

Льмаренко Е. А.,

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, г. Одесса

ПРОЦЕССУАЛЬНОСТЬ КАК ДОМИНАНТА КАТЕГОРИАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛА

У статті проведено аналіз щодо категоріальної семантики дієслова. Виявлено, що домінантною семою його складної змістової структури є процесуальність. Функціонуючи в реченні як основний організуючий елемент, дієслово детермінує кількість відкриваємих позицій для актантів. При цьому речення в цілому відображає деякий фрагмент дійсності, елементарну ситуацію, що об'єктивується у когнітивному знанні мовця.

Ключові слова: дієслово, процесуальність, речення, базова модель, елементарна ситуація, когнітивні знання.

В статье проводится анализ категориальной семантики глагола, где доминантной семой его сложной смысловой структуры выявляется процессуальность. Функционируя в предложении как основной организующий элемент, глагол задает количество открываемых позиций для актантов, отображая при этом некий фрагмент действительности, элементарную ситуацию, которая объективируется в когнитивном знании говорящего.

Ключевые слова: глагол, процессуальность, предложение, базовая модель, элементарная ситуация, когнитивные знания.

This article reveals categorial meanings of the verb, among which process is the principal one. Not only having its own lexical and grammatical meanings but also implying participants of the situation performed, the verb functions as the structural and semantic kernel of the sentence. This fact enables linguists to classify all possible language patterns that directly reflect human cognitive knowledge.

Key words: verb, process, sentence, basic model, elementary situation, cognitive knowledge.

Будучи мінімальною, значимою, номінативною одиницею мови, слово являється інструментом вербального оформлення і репрезентації різних фрагментів (предметів, процесів, явлень, своїх, ознак, відносин і т.п.) оточуючого людину світу. Лексико-грамматичні ряди слів, традиційно іменовані частинами мови, можна вважати "проекціями в світ мови різних по своїй суті або по їх сприйняттю людину об'єктів дійсності" [13, с. 14].

Части мови відрізняються своїми когнітивними (концептуальними) структурами і функціональними характеристиками. Аналіз спеціальної літератури показує, що розподіл слів по частинам мови традиційно ґрунтується на таких принципах: 1) общність семантичних ознак (наприклад, предметність для іменників, процесуальність – для дієслів, ознак – для прикметників і прислівників, локальність і релятивність – для прислівників, і т.д.); 2) общність граматичних категорій і схожість форм словозміни; 3) єдність синтаксических функцій і комбінованих характеристик на рівні словосполучення і/або речення [2, с. 64; 4, с. 82; 11, с. 100; 25, с. 113; 31, с. 57].

Вопрос о количестве частей мови і основних критеріях їх виділення являється одним із старих дискусійних питань у мовознавстві. Тем не менше, незважаючи на існуючі відмінності як в складі, так і в об'ємі частин мови, во всіх мовах світу виділяються дві основні частини мови – іменник і дієслово. В цьому відношенні Э. Сепір писав, що "якою б неупередженою рисою не носило в окремих випадках відміння іменник і дієслово, немає такої мови, в якій б не було бачити цього відміння" [21, с. 116]. Універсальне виділення іменника і дієслова, беруче початок ще із античної (древнеіндійської і древньогрецької) граматики, являється відображенням універсальності функціонально-семантичних категорій *субстанціальності* і *процесуальності*. Іменно ці дві поняття являються історично примарними в процесі категоризації людину предметів і явлень оточуючого світу.

Концепт процесуальності отримує мовну реалізацію, головним чином, в дієслові, являючись **об'єктом** даної статті. **Предмет** дослідження – категоріальна семантика дієслова, відмінна особливість якого заключається в тому, що він об'єктивує динамічний аспект конкретного фрагмента дійсності, характеризує свій референт як існуючий і змінюваний в часі. Сюди ж учені відносять просторові, каузативні, кваліфікативні і інші відмінні ознаки [5, с. 70-72; 12, с. 222].

Складність семантичної структури дієслова відзначається багатьма лінгвістами, так як ця мовна одиниця відноситься до ознакових слів. Крім вказівки на типи відносин між об'єктами дійсності, дієслово містить кванти інформації про ці об'єкти, відносини між якими передаються. Як наслідок, комбінованість дієслова зі словами інших семантико-грамматических рядів носить вибірковий характер. Крім того, семантичні відносини між актантами дієслівного дієства піддаються моделюванню. Відповідно, під лексическим значенням дієслова, на наш погляд, необхідно розуміти не тільки його "сопіднесеність з світом процесів, об'єктивно існуючих" [3, с. 94], але і такі аспекти, як синтактику і прагматику, які, за зауваженням В.В. Левицького, "не можуть бути виведені за межі лексического значення", оскільки утворюють разом з сигніфікативним компонентом цілісну структуру [15, с. 13]. Інакше кажучи, структуру лексического значення дієслова можна представити як єдність семантики, прагматики і синтактики.

Семантичний склад дієслів характеризується своєрідною ієрархічною організацією сем, відрізняючихся по ступеню абстрактності. Більш високий рівень абстракції займають сем дієства, стану, відноше-

ния; уровни ниже занимают семы конкретного характера протекания действия. Однако семантической доминантой глаголов выступает *сема процессуальности*, “остальные семы обусловлены ею и так или иначе связаны с ней” [24, с. 293]. Кроме того, ориентированность на выражение процесса грамматических категорий глагола (наклонение, залог, вид и т.д.) позволяет исследователям говорить о сопряженности между денотативной семой процесса и языковой, грамматической, категориальной семой процесса и рассматривать эту сему как первый уровень в смысловой иерархии глаголов [24, там же].

Н.Б. Лебедева также обосновывает понимание денотативной природы глагольной семантики как полипропозициональной структуры и показывает, что суть глагола заключается в его способности отражать полиситуативный и полисобытийный комплекс разными средствами – морфемно-деривационными, грамматическими, семантико-лексическими. Этот семантический комплекс автор обозначает термином *ситуатема* [14].

Гетерогенность глагольной номинации объясняется и тем фактом, что глаголы “указывают на существование во времени процессов” [10, с. 95], которые в свою очередь не представляют собой однородного явления, а могут быть расклассифицированы с достаточно глубоким порогом дробности. Так, например, А.А. Корсаков делит процессы на две большие группы – процессы-состояния и процессы-изменения состояний с дальнейшим членением на процессы-неотношения и процессы-отношения (в терминологии Г.Г. Сильницкого, соответственно “нереляционные” и “реляционные” [23, с. 373]). Последние две группы, в свою очередь, распадаются на процессы-недействия и процессы-действия каждая. Менее дробную типологию глагольных номинаций предлагает И.В. Сентенберг, выделяя четыре основных типа глагольных наименований: 1. инактивный процессуальный признак семантического субъекта, проявляющийся как действие, состояние или свойство; 2. активный процессуальный признак семантического субъекта, проявляющийся как действие, состояние или отношение, направленное на семантический объект; 3. инактивный процессуальный признак семантического субъекта, осложненный адвербиальными характеристиками и проявляющийся как действие, состояние или свойство; 4. активный процессуальный признак семантического субъекта, соотношенный с семой семантического объекта и осложненный адвербиальными характеристиками [20, с. 15-16].

Категориальная семантика глагола с необходимостью включает компактное, “свернутое” наименование ситуаций объективной действительности, выступая одновременно структурной и смысловой основой высказывания, поскольку в его значении не только фиксируются определенные ракурсы бытийного состояния субстанций, но также имплицитно и сами субстанции. Другими словами, “значение глагола ориентировано на субстанцию и не может определяться вне неё” [20, с. 9-10].

В лингвистических исследованиях не раз отмечалось, что глагол является организующим центром предложения, в значительной степени (через обязательные и факультативные валентности) предопределяющим его структуру [9, с. 50; 6, с. 53; 22, с. 38; 26, с. 21; 27, с. 221]. Именно глагол как ядро высказывания задает количество возможных базовых языковых моделей, образуемых конструктивно значимыми элементами. Так, Г.Г. Почепцов выделил 39 ядерных структур повествовательных предложений, дифференцируемых по структурно-семантическому признаку глаголов ненаправленного и направленного действий; последние характеризуются объектной, пространственной, временной, качественной и т.п. направленностью или же различными комбинациями [19, с. 219-221].

Е.М. Образцова соотносит структурно-синтаксические модели с фрагментами действительности, определяемыми как типизированные элементарные ситуации. Такой подход позволил автору предложить менее дробную классификацию базовых предложений-моделей – всего шесть – в зависимости от вида и количества глагольных исполнителей [17, с. 176-177, 199]. При этом каждая структурно-синтаксическая модель (предложение-примитив) характеризуется своим семантико-ролевым набором значений и, напротив, ни одна из выявленных семантико-ролевых структур в полном объеме не зарегистрирована исследовательницей в предложениях более одной структурно-синтаксической модели [17, с. 258].

В отличие от конструктивного подхода к анализу предложения, где его составляющие рассматриваются как связанные между собой иерархическими отношениями объединения и порядка следования в линейной цепи, Т.И. Домброван акцентировала свое внимание на исследовании сочетаемых потенциалов глагола. Автор выделила шесть валентных моделей, где каждая последующая характеризуется увеличением числа глагольного актанта на одну единицу. Соответственно, наибольшее количество открываемых глаголом позиций равно шести. Правда, такая модель встречается крайне редко [7].

Несложно заметить, что несмотря на количественную и качественную разбежность моделей у разных авторов, все они ограничены анализом структурно-предикатного простого предложения.

И.Б. Морозова, однако, выходит за эти рамки, понимая простое предложение как элементарную коммуникативную единицу. Соответственно, в разработанной ученой таксономии отмечаются не только полносоставные, но и эллиптированные структуры с их дальнейшим членением на (не)распространенные, одно-, двусоставные и т.д., а также структурно-непредикатные высказывания [16, с. 52].

В целом, на данном этапе развития современная лингвистика сосредоточила свое внимание на структурном представлении различных типов знаний, объективированных в языковых знаках. “Структурное знание есть форма категоризации информации” [18, с. 37]. Другими словами, знание зафиксировано в языке в виде понятийных категорий, так как информация, хранящаяся в сознании человека, структурирована [1, с. 108, 112]. И наоборот, языковые структуры являются результатом нашего взаимодействия с окружающим нас внешним миром [29, с. 3; см. также 28; 32; 33].

Так, С.А. Жаботинская, также занимаясь проблемой репрезентации знаний, подчеркивает, что мир, воспринимаемый нашими органами чувств, не есть реальный, но существующий в нашем сознании в виде

определенных моделей, событийных схем, концептуализируемых пятью базисными фреймами – предметным, акциональным, possessивным, идентификационным и компаративным [8].

Таким образом, в непрекращающейся попытке языковедов проследить, выявить все возможные особенности кодирования информации, отражающей окружающую нас объективную действительность, прослеживается последующий виток в развитии научной мысли: от формально-описательного характера (ср. также анализ по непосредственно составляющим, дерево зависимостей) к структурно-семантическому, функциональному аспектам, и далее к когнитивно-коммуникативному. В последнем случае речь идет о еще "набирающем обороты" когнитивном моделировании, обеспечивающем адекватную концептуальную обработку стандартных ситуаций.

Тем не менее, рассматривается ли языковая модель в отрыве от объективной действительности и воспринимающего ее индивидуума или в неразрывном их взаимодействии, неизменной остается центральная, организующая роль глагола как основного носителя всевозможных перманентных и константных процессов окружающего мира с обязательным имплицитированием субстанции(й). Именно глагол способен представить все разнообразие внеязыковой действительности, наблюдаемой и вербализуемой в языковых структурах говорящим.

Литература:

1. Баксанский О. Е. Когнитивный образ мира: Монография / О. Е. Баксанский, Е. Н. Кучер. – М. : "Канон+" РООИ "Реабилитация", 2010. – 224 с.
2. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики / М. Я. Блох. – М. : Высш. школа, 1986. – 160 с.
3. Гавриліна О. І. До питання про системний підхід у вивченні дієслів фізичного впливу на об'єкт / О. І. Гавриліна // Дослідження різнорівневих одиниць романських, германських і слов'янських мов: Зб. наук. праць. – Вип. 1. – Донецьк : ДонУ, 2001. – С. 91-100
4. Голуб Ю. И. Системные отношения в словарном составе английского языка и их лексикографическое отражение: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / Ю. И. Голуб. – Запорожье, 1998. – 210 с.
5. Гуревич В. В. О семантике глагола и существительного / В. В. Гуревич // Язык: теория, история, типология. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – С. 68-73.
6. Домброван Т. І. Валентність і сполучуваність як критерії встановлення семантичної структури дієслів об'ємної семантики (на матеріалі англійської мови) / Т. І. Домброван // Вісник ХНУ. – Серія "Романо-германська філологія". – Вип. 536. – Харків : Константа, 2001. – С. 53-59.
7. Домброван Т. И. Проблема грамматической классификации глагола в современном английском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т. И. Домброван. – Одесса, 1996. – 288 с.
8. Жаботинская С. А. Ономазиологические модели и событийные схемы // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна / С. А. Жаботинская. – Харків : Константа, 2009. – № 837. – С. 3-14.
9. Загнітко А. П. Позиційна модель речення і валентність дієслова / А. П. Загнітко // Мовознавство. – 1994. – № 2-3. – С. 48-56.
10. Корсаков А. А. Лексическое и грамматическое содержание и употребление глагола to have в английском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. А. Корсаков. – Одесса, 1979. – 237 с.
11. Кочерган М. П. Загальне мовознавство / М. П. Кочерган. – К. : ВЦ "Академія", 1999. – 288 с.
12. Кубрякова Е. С. Когнитивный взгляд на систему частей речи / Е. С. Кубрякова // Словарь. Грамматика. Текст: Сб. науч. ст. – М., 1996. – С. 218-224.
13. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – М. : ИЯ РАН, 1997. – 327 с.
14. Лебедева Н. Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики / Н. Б. Лебедева. – М. : Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2010. – 192 с.
15. Левицкий В. В. Статистическое изучение лексической семантики / В. В. Левицкий. – К. : УМК ВО, 1989. – 156 с.
16. Морозова І. Б. Парадигматичний аналіз структури і семантики елементарних комунікативних одиниць у світлі гештальт-теорії в сучасній англійській мові: Монографія / І. Б. Морозова. – Одеса : Друкарський дім, 2009. – 384 с.
17. Образцова Е. М. Линейная организация высказывания как межъязыковая универсалия (на материале английского, русского и украинского языков): Монография / Е. М. Образцова. – Одесса: Фенікс, 2010. – 400 с.
18. Пименова М. В. Проблемы когнитивной лингвистики и концептуальных исследований на современном этапе / М. В. Пименова // Ментальность и язык: Коллективная монография. – Кемерово, 2006. – Вып. 7. – С. 18-67.
19. Почепцов Г. Г. Избранные труды по лингвистике / [сост., общ. ред. и вступ. ст. И. С. Шевченко]. – Харьков : ХНУ им. В. Н. Каразина, 2009. – 556 с.
20. Сентенберг И. В. Лексическая семантика английского глагола / И. В. Сентенберг. – М. : Изд-во МГПИИ им. В. И. Ленина, 1984. – 96 с.
21. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М. : Прогресс, 1993.
22. Сильницкий Г. Г. Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов: дисс. ... д. филол. наук: 10.02.04 / Г. Г. Сильницкий. – Смоленск, 1974. – 442 с.
23. Сильницкий Г. Г. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов / Г. Г. Сильницкий // Проблемы структурной лингвистики, 1972. – М. : Наука, 1973. – С. 373-391
24. Соколова И. Г. Особенности семного состава абстрактной лексики (на материале группы глаголов со значением "труд") / И. Г. Соколова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского: Серия "Филология". – Т. 19 (58). – № 4. – Симферополь: Изд-во ТНУ, 2006. – С. 291-295.
25. Сучасна українська мова / [за ред. О. Д. Пономарева]. – К. : Либідь, 2001. – 400 с.
26. Chalker S. Current English Grammar / S. Chalker. – Ldn and Basingstoke: Macmillan Publ. Ltd., 1993. – 295 p.

27. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – 489 p.
28. Goldberg A. E. A Construction Grammar Approach to Argument Structure / A. E. Goldberg. – Chicago & London : The University of Chicago Press, 1995. – 265 p.
29. Heine B. Cognitive Foundations of Grammar / B. Heine. – N.Y. : Oxford University Press, 1997. – 185 p.
30. Langacker W. L. Investigations in Cognitive Grammar / W.L. Langacker. – Berlin/N.Y. : Mouton de Gruyter, 2009. – 396 p.
31. Radford A. Transformational Grammar: A First Course / A. Radford. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 625 p.
32. Talmy L. Toward a cognitive semantics: V.1 Concept structuring systems / L. Talmy. – Cambridge/London, 2000. – 565 p.
33. Wang K.H. Structure of Knowledge and Reasoning: Thesis ... Master of Science / K.H. Wang. – Houston, 1988. – 88 p.